

Создается впечатление, что, обозрев свои ратные подвиги и рыцарские доблести, перечислив дела на пользу государства, Мономах находит выход из душевной коллизии, вызванной ссорой с братьями. Однако письмо и отрывки молитв, навешанных покаянным каноном Андрея Критского, возвращают нас к началу повествования и доказывают, что Мономаху так и не удалось примирить подмеченные им в себе противоречия и обрести душевный покой.

Таким образом, как показывает анализ составных частей «Поучения», внутренний мир Мономаха не однозначен — он раздвоен. Государственный и политический деятель выступает на фоне психологических переживаний простого смертного — отца, брата; идеал дохристианского воина-героя переплетается в нем с идеалом христианского государя.

В «Поучении» мы находим многочисленные следы дохристианского прошлого.³¹ Образы эпического героя и христианского государя, вступающие в конфликт друг с другом, отражают тот дуализм мировоззрения, которым отмечена как литература, так и отдельные виды искусства рассматриваемой эпохи.³² Этот дуализм сказывается и в определении ценности человека, его личных качеств.

В это время в литературе, с одной стороны, создается нормативный христианский идеал князя, новый тип героя — святой; с другой стороны, еще не забыты деятели «героической эпохи», рассказы о которых, вкрапленные в летопись, созданы на дохристианской основе. Их отличительные признаки — вера в судьбу, право мести, верность герою, право победителя на добычу и др. Летописец не может отказать себе в любовании этим идеалом, вставляя в летопись рассказы о жестоких подвигах князей Олега, Святополка, Игоря, Ольги. Однако в князьях-современниках он сурово осуждает подобную систему поведения.³³ В значительной степени этот дуализм мировоззрения сказывается в «Слове о полку Игореве»,³⁴ следы его мы находим в Киево-Печерском патерике и т. д.³⁵

Итак, сложность индивидуального мироощущения и судьбы Мономаха переплетается со сложностью внутреннего мира окружающих его людей и их судеб, вызванных остротой социальных конфликтов, тяжелой внешне-политической обстановкой, внутрикняжескими раздорами и, острее всего, — борьбой двух мировоззрений: крепнущего христианского и уходящего языческого, отступавшего неохотно и с трудом. «Поучение» Мономаха свидетельствует, что борьба двух мировоззрений шла не только между различными социальными слоями, но и внутри самого человека, находя выражение в противостоянии дохристианских и церковных этиче-

³¹ В. Л. Комарович отмечает, что Мономах оплакивает преждевременную кончину сына со всей непосредственностью полуязыческого ритуала (см.: История русской литературы, т. I, стр. 296; см. также: И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах, стр. 103—105, 142).

³² Е. А. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914; Б. А. Рыбаков. Русалии и бог Симаргл-Переплут. — «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 116.

³³ Осуждение дохристианского идеала он вкладывает в уста Василька Теребовльского, самого ставшего жертвой феодального насилия и жестокости (ПСРЛ, т. I, столб. 266). Нам представляется вероятным, что, включая «Поучение» в летопись под 1097 г., непосредственно перед событиями, связанными с ослеплением Василька, летописец стремился противопоставить трезвую, умную и честную политику Мономаха (умеющего подчинить чувство личной неприязни общегосударственной пользе) жестокой, мстительной и недальновидной политике других русских князей.

³⁴ С. И. Даниелян. Статьи о русской литературе. Тбилиси, 1956, стр. 23—35; Д. С. Лихачев. Мировоззрение автора поэмы «Слово о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1967, стр. 24—27.

³⁵ Т. Н. Копреева. Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции). — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 112—116.